

Кирилл Маслинский, Светлана Маслинская

В КАНОН ЧЕРЕЗ ТИРАЖ: О НЕРАВЕНСТВЕ ДОСТУПА ПИСАТЕЛЕЙ К ПЕЧАТИ ДЕТСКИХ КНИГ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Вопрос о существовании, направлении и характере причинной связи между изданием (тиражированием) произведений автора и его каноническим статусом обсуждался в литературе не так много и преимущественно в теоретическом ключе. В статье представлен материал, расширяющий эмпирическую базу для исследования этой проблемы. Мы опираемся на репрезентативные библиографические данные по советскому детскому книгоизданию, редкая особенность которых состоит в том, что они дают максимально полные сведения обо всех выходивших детских книгах, а не только об узком круге популярных авторов. Это позволило нам, во-первых, отследить количественные макро-характеристики производства детской книги: колебания общего тиража, объема «популяции авторов» и неравенства в распределении тиражей между ними, а во-вторых, выявить самых тиражируемых авторов в разные моменты советского периода и оценить их долю в общем объеме производства детских книг. С теоретической точки зрения оценка каноничности автора за счет переизданий должна быть дополнена оценкой конкуренции между авторами за ограниченный потенциальный тираж. Степень и результаты этой конкуренции мы предлагаем интерпретировать в терминах неравенства. Высокий уровень неравенства по доступу к тиражированию своих произведений среди авторов советских детских книг сохранялся на протяжении большей части периода. Самыми тиражными авторами оказались прежде всего поэты, писавшие для детей младшего возраста: Маршак, Чуковский, Барто, Михалков. За рассматриваемый период советское детское книгоиздание прошло два периода резкого сокращения ресурсов — в начале 1930-х гг. и в первой половине 1940-х гг. Прохождение «бутылочных горлышек» приводило к консолидации элит, оказавшихся на вершине

Кирилл Александрович Маслинский,

Светлана Геннадьевна Маслинская

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,

Санкт-Петербург

kmaslinsky@pushdom.ru, braunknopf@gmail.com

тиражного рейтинга к началу падения и сумевших сохранить свои позиции в последующие годы. Это может быть описано как механизм положительной обратной связи в динамической системе, в результате которого привилегии порождают еще большие привилегии («богатые богатеют»). Противоположный эффект — повышение разнообразия и снижение неравенства — достигался в периоды институционального (НЭП) или идеологического (Оттепель) плюрализма.

Ключевые слова: литературный канон, издание, тираж, детская литература, неравенство, С. Маршак, А. Барто, К. Чуковский, С. Михалков

В социологически ориентированных исследованиях литературного канона принято обращаться в первую очередь к институтам преподавания и изучения литературы. Основными индикаторами канонического статуса служат в этом случае произведения автора в школьных или университетских программах, а также внимание к ним критиков и исследователей. Таких исследований уже немало, в том числе и на российском материале (см. например: [Вдовин, Лейбов 2013], по русской детской литературе см. [Лучкина 2021]). Намного реже в связи с литературным каноном обсуждается роль других институтов, в частности тех, которые непосредственно заняты производством и распространением книг, — издательств, книготорговли, библиотек. В отношении русской детской литературы изучение названных институтов ограничивается историей отдельных издательств [Шаманова 1994, Виноградова 2019], но не выходит на уровень обобщений относительно их роли в процессе распространения авторских репутаций.

В теоретическом обсуждении литературной канонизации присутствует тезис о том, что издание может влиять на вхождение автора в академический или общий канон [Beilein 2011, 168]. В конкретных исследованиях наибольшее внимание уделяется при этом «авторитетным» изданиям — комментированным, академическим собраниям, антологиям. Наличие авторитетного издания может рассматриваться в качестве одного из индикаторов канонического статуса. Однако, как указывает Аника Рокенбергер, этому взгляду свойственно преувеличение роли филологических авторитетов в процессах литературной канонизации, а, кроме того, он грешит логической цикличностью (влияние филологов «доказывается» отсылкой к процессу канонизации, который по определению включает действия филологов) [Rockenberger 2016, 277–279].

Тезис о влиянии изданий на канонический статус автора может быть рассмотрен не только с качественной (наличие престижных изданий), но и с количественной точки зрения. Ключевым моментом здесь выступает делящийся доступ потенциальных читателей к произведениям автора, что важно, в частности, для школьного канона [Winko 2007, 258]. Если смотреть на литературный канон как на динамическую систему, последующие состояния которой зависят от предыдущих, то переиздания выступают не только следствием канонического статуса, но и условием дальнейших переизданий. Эта идея по существу была высказана еще в классической работе Барбары Херрнштейн Смит: «Длительное выживание канонического текста следует рассматривать не столько как знак его ценности, сколько как самостоятельную ценность, обеспечивающую дальнейшее выживание» [Smith 1988, 50]. Таким образом, регулярное переиздание работ автора является важным условием формирования и поддержания канонического статуса.

Мы предлагаем добавить к этой проблеме еще одно количественное измерение — для поддержания циркуляции произведений автора важна не только регулярность переизданий, но и общее количество произведенных копий, то есть тиражи. Хотя нужно оговориться, что не все тиражируемые авторы закрепляются в каноне, — нельзя говорить о простой причинной связи: большие тиражи не обязательно ведут к каноническому статусу, равно как не всегда верно и обратное. В эмпирических исследованиях литературного канона это противопоставление описывается в терминах оппозиции популярность vs. престиж [Porter 2018]. Тиражность вплетена в более сложные причинно-следственные цепочки и является лишь одним из факторов в сложных процессах канонизации. Наша гипотеза состоит в том, что тиражирование является необходимым (но не достаточным) условием приобретения канонического статуса: чтобы автор закрепился в каноне, его произведения должны в какой-то момент пройти через достаточно интенсивное тиражирование.

Эмпирическая база для описанных выше теоретических построений о связи переизданий и канона остается более чем слабой. Особенно не хватает работ, выходящих за рамки рассмотрения истории издания отдельных авторов. В нашей статье мы предлагаем оценить взаимосвязь между переизданиями, тиражами и каноническим статусом авторов на новом эмпирическом материале, основанном на репрезентативных библиографических данных по советскому детскому книгоизданию за 1924–1984 гг.

Метод

Традиционно для историков литературы представляют интерес биографические, институциональные и иногда политические факторы, которые влияют на тиражирование произведений того или иного автора (читательский успех, престижные премии, школьная программа, идеология, репрессии и реабилитации и т. п.). В этом смысле у каждого автора может быть свой, специфический путь к каноническому статусу и связанным с ним тиражам. Обобщить такие пути может быть сложно.

Однако можно посмотреть на проблему доступа автора к тиражированию своих произведений с другой стороны: в каждый момент времени общий объем всех выходящих из печати книг по существу ограничен текущими возможностями экономики. Предел возможностей книгопечатного рынка зависит от разного рода условий: технологических (производительность существующих типографских мощностей), институциональных (издательские процедуры, институты финансирования писательской работы, и т. п.), логистических (каналы распространения), рыночных (спрос, объем рынка), политических (социальный заказ на определенную литературу, бюджетное финансирование, цензура), наконец, макроэкономических (общий объем ресурсов в экономике и в издательской отрасли). Если абстрагироваться от всех этих деталей, то можно констатировать, что в каждый период времени (например, год) существует некоторое предельное количество экземпляров книг, которые могут быть напечатаны, и это количество колеблется от года к году в зависимости от названных выше обстоятельств. Сказанное в равной мере применимо не только к общему книжному рынку, но и к отдельным институционально оформленным его сегментам, например, детской книге.

Если потенциальный объем книжной продукции ограничен, то можно представить решения о печати произведений тех или иных авторов большими или меньшими тиражами как результат конкуренции всех авторов, которые могли бы напечататься, за ограниченный ресурс — долю от общего потенциального тиража. Такая формулировка позволяет абстрагироваться от частных историй издания и переиздания отдельных авторов и рассмотреть более общие процессы, связанные с распределением ограниченного тиражного ресурса среди «популяции авторов».

Важно отметить, что автор в данном случае — это не отдельный индивид, а социальный конструкт, по природе напоминающий

бренд. Так, уже давно умерший классик продолжает конкурировать с ныне живущими авторами за свою долю тиражей. В этом смысле писатель не сам по себе является участником процесса конкуренции, а как часть окружающей его сети социальных акторов (как индивидуальных, так и институциональных), которые влияют на принятие решения об издании той или иной книги и о ее тираже.

Популяционный взгляд на конкуренцию авторов за тиражи открывает возможность поставить вопрос о том, насколько равномерно эти ресурсы распределяются в тот или иной период? Какие группы авторов выигрывают и проигрывают в результате снижения и в результате расширения общей тиражной базы? И, наконец, вопрос, который возвращает нас к проблеме формирования литературного канона — сказываются ли колебания в объеме общих тиражей на составе «элит», имеющих максимальный доступ к тиражам и переизданиям своих произведений?

Такая постановка вопросов сближает исследование с широким кругом проблем в дисциплинах, изучающих подобные популяционные процессы, прежде всего в экономике и социологии. Ключевая категория, которую можно заимствовать из этих дисциплин для данного исследования — это категория неравенства. Неравенство подразумевает привилегированное положение более или менее узкой группы в отношении доступа к ресурсам (распределение доходов, богатства и т. д.). Это должно быть характерно и для иерархизированных литературных систем, в которых сложился список канонических авторов.

Чтобы измерить уровень неравенства в распределении тиражей, мы используем широко применяемый в исследованиях имущественного неравенства инструмент — коэффициент Джини [Schulenberg 2018]. Его величина тем выше, чем большая доля общих ресурсов приходится на группу «самых богатых». Значение коэффициента изменяется в пределах от 0 до 1, где 0 — полностью равномерное распределение ресурсов, а 1 — полное неравенство (все ресурсы в одних руках).

Задача нашего исследования — описать динамику тиражей детской книги в период с 1924 по 1984 год, охарактеризовать процессы роста и падения неравенства среди авторов детских книг в доступе к тиражам, и соотнести эти процессы с известными в истории советской детской литературы этапами и процессами формирования отечественного канона детской литературы.

Данные

В основу исследования положены данные восемнадцатитомного библиографического указателя «Детская литература», составленного И. И. Старцевым и его продолжателями и охватывающего период с 1918 по 1984 гг. [Старцев 1933–1989]. Этот указатель представляет собой наиболее полную библиографию детских книг, издававшихся на русском языке в Советской России и затем в СССР. В этой работе мы следуем за Старцевым в том, какие издания он определял как детские книги и включал в свою библиографию. Это все издания, адресованные детям (художественная литература, в том числе переводная, сборники фольклора, научно-популярные, просветительские и инструктивно-методические издания, а также другие категории детских книг, включая альбомы для вырезания и раскрашивания). Важная категория, которая не учтена в библиографии Старцева (и его последователей), — школьные учебники и другая учебная литература. Данные указателей (1918–1984) были оцифрованы, преобразованы в базу данных и опубликованы в виде датасета [Маслинский 2022]. Подробности о принципах формирования, составе и структуре данных — в сопроводительной документации датасета.

Указатель Старцева содержит подробные библиографические описания изданий, включая тираж в тех случаях, когда он указывался в выходных данных. Указание тиража оставалось довольно стабильной практикой на протяжении всего советского периода. В подавляющем большинстве включенных в указатель изданий указан тираж. В среднем сведения о тираже отсутствуют для 1,3 % изданий в год. По не вполне ясным причинам в 1948–1949 гг. резко повысилась доля изданий без указания тиража (9–11 %). Сведения о тираже могут отсутствовать как в изданиях малоизвестных авторов (1–3 издания автора за весь период, шансы встретить издание без указания тиража — 0,7 %), так и в книгах авторов, широко тиражировавшихся (более 500 изданий, шансы — 1,6 %). Иными словами, независимо от степени популярности автора оценка общего тиража его книг может быть занижена в наших данных по сравнению с фактическим тиражом. Однако с этими оговорками можно заключить, что в целом данные о тиражах в указателе Старцева довольно полны и хорошо отражают как динамику общего объема тиражей детских книг, так и распределение тиражей между авторами.

В качестве единицы времени для оценки интересующих нас процессов мы выбрали один год, так как это хорошо соотносится

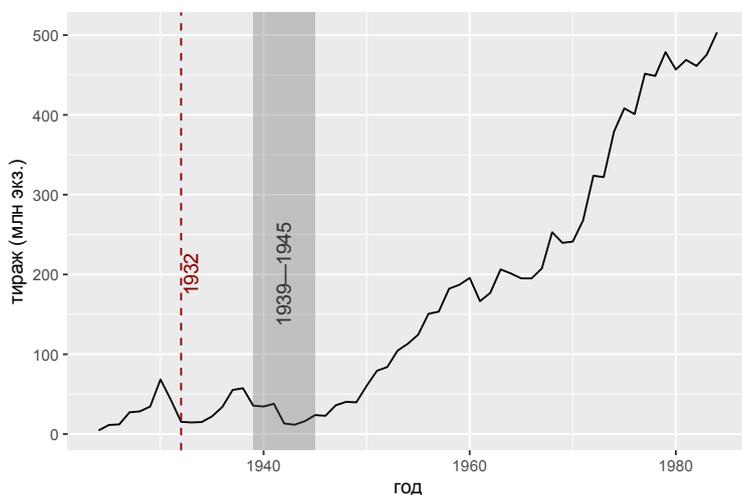

Рис. 1. Общий тираж детских книг

с издательскими циклами планирования и производства. Поскольку максимальный потенциальный тираж детских книг — величина теоретическая и ненаблюдаемая, в качестве оценки для общего объема ресурсов, за которые конкурируют авторы, мы используем суммарный тираж всех учтенных в указателе изданий за этот год. Издания с неуказанным тиражом исключаются из анализа. Для каждого автора мы вычисляем суммарный тираж всех его изданий, вышедших за год (включая книги в соавторстве), не разделяя новые книги и перепечатки.

Общая динамика тиражей и неравенства: 1924–1984

Для указанного периода в целом характерна тенденция к росту общих тиражей детских книг, который начинается с очень низкой базы после гражданской войны — всего 4,5 млн детских книг в год, и выходит к 1984 г. на уровень 500 млн экземпляров в год. Логично видеть в этих цифрах в том числе отражение общей демографической и экономической ситуации в стране. Однако обращают на себя внимание периоды, когда рост тиражей сменяется более или менее резким падением (см. рис. 1). Периоды снижения общего тиража интересны для нас тем, что в эти моменты снижается общая ресурсная база и конкуренция между авторами за тиражи неизбеж-

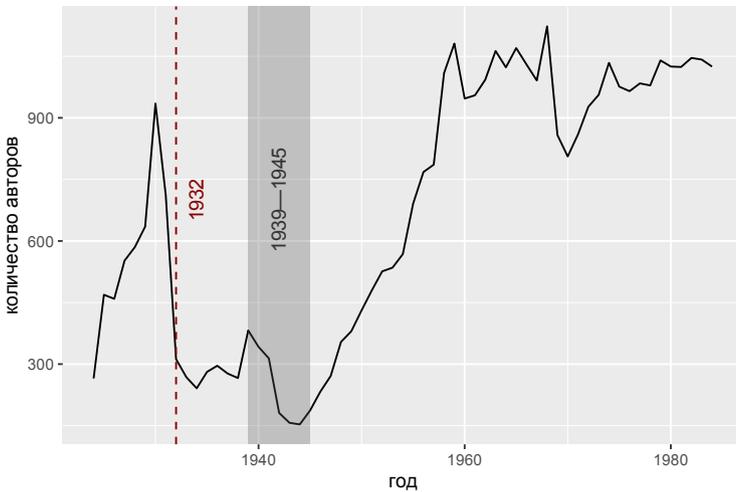

Рис. 2. Общее количество издаваемых авторов

но должна становиться более жесткой. Два самых ярких момента совпадают с концом НЭПа и началом сталинской эпохи (начало 1930-х гг.) и с периодом большого террора и Второй мировой войны (1937–1945 гг.). Менее драматичные по относительному масштабу периоды снижения общих тиражей приходятся на начало и на конец 1960-х гг.

Гипотеза о повышении конкуренции в периоды сжатия общего тиража косвенно подкрепляется данными о динамике количества ежегодно издаваемых авторов детской литературы (рис. 2). Здесь мы учитываем только авторские издания, исключая сборники, переводные, фольклорные издания и т. д., в которых ответственные лица могут быть указаны в выходных данных (и иногда это те же Чуковский и Маршак), но не обозначены в роли автора. Средняя доля безавторских изданий составляет 13 % и колеблется в пределах от 6 % в 1931 г. до 32 % в 1944 г. В круг учитываемых авторов попадают также иллюстраторы детских книг, если их имя обозначено на обложке или титульном листе (такие как Лебедев, Чурушин и др.). Автор включался в расчет, если в указанном году вышло хотя бы одно издание за его авторством.

Периоды снижения тиражей четко коррелируют с периодами сокращения количества издаваемых авторов. Самое драматическое падение разнообразия издаваемых авторов приходится на нача-

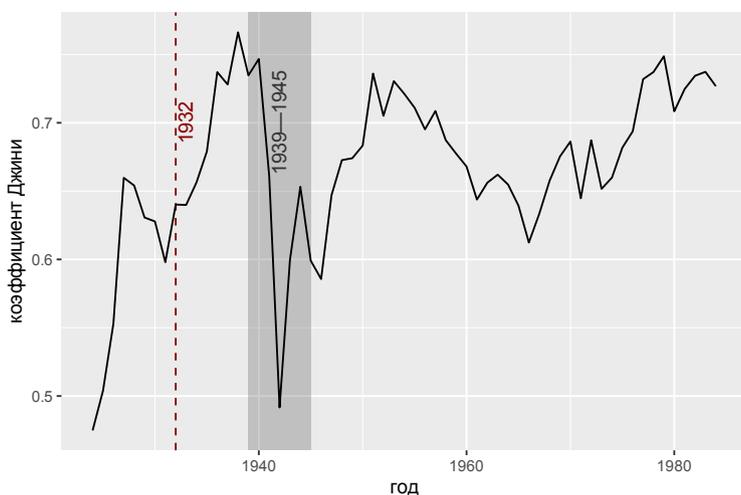

Рис. 3. Неравенство в распределении тиражей между авторами

до 1930-х гг. Если в 1930 г. были изданы книги 933 авторов, то в 1932 г. — только 312. Во время войны падение не настолько резкое, но именно тогда была достигнута самая глубокая «демографическая яма» среди авторов детских книг (153 автора в 1944 г.). К концу 1950-х гг. количество издаваемых авторов постепенно восстанавливается и до конца периода никогда существенно не превышает 1000 в год. По-видимому, этот достигнутый порог отражает организационные возможности централизованного советского книгоиздания, поскольку тиражи продолжают расти, хотя темп роста и замедляется к началу 1980-х гг.

Как можно было ожидать, тиражи распределены между авторами весьма неравномерно. Если объединить изданные за весь период авторские книги, то 50 % всех экземпляров составят издания 100 самых тиражных авторов из более чем 14 тысяч всех когда-либо печатавшихся авторов (коэффициент Джини — 0,63). Однако уровень неравенства в распределении тиражей между авторами довольно значительно колебался год от года. Эти колебания не коррелируют напрямую с объемом общего тиража и количеством издаваемых авторов, но можно проследить некоторые совпадения в точках резких изменений и ряд более долгосрочных трендов (рис. 3).

Моменты достаточно резкого сокращения объема тиражей и количества издаваемых авторов совпадают и с моментами паде-

ния неравенства. Этот эффект менее выражен в 1931 г. и очень заметен в 1941–1942 гг. Это означает, что при общем сокращении ресурсной базы распределение тиражей среди оставшихся в печати авторов несколько выравнивается (по-видимому, за счет утраты преимуществ самыми тиражными из них). Однако в обоих случаях падение сразу же сменяется ростом неравенства (пока тиражи и списки авторов продолжают оставаться небольшими). Особенно выражен этот рост неравенства в 1930-е гг., когда к 1937 г. был достигнут абсолютный пик тиражного неравенства за весь период. Иными словами, картина выглядит так, что резкое снижение объема книгоиздания не столько выравнивает, сколько открывает возможности для захвата значительной доли тиражей относительно узкой группой авторов в период восстановительного роста, который сопровождается ростом же неравенства.

Противоположная ситуация, когда продолжающийся рост тиражей сопровождается достаточно долгосрочным трендом на снижение общего неравенства приходится на период хрущевской Оттепели: вторую половину 1950-х — середину 1960-х гг. В этот период для более широкого круга авторов детских книг расширяется доступ к тиражированию своих произведений.

Те моменты, когда резкое сокращение общих тиражей совпадало с сокращением количества издаваемых авторов, можно описать как «бутылочные горлышки», через которые проходило советское детское книгоиздание. Понятие *бутылочное горлышко* заимствовано в данном случае из популяционной генетики и экологии, где таким образом описываются периоды, когда численность популяции в силу каких-то причин резко сокращается. Такие события интересны, поскольку имеют эволюционные последствия. Конечно, тиражирование детских книг отличается в существенных чертах от биологических популяций. В частности, вышедший из печати автор вполне может впоследствии вернуться, в отличие от исчезнувшего генетического варианта. Но есть и важное сходство — те, кто сохраняют свое положение в период бутылочного горлышка, получают повышенные шансы закрепиться в дальнейшем. Косвенно об этом свидетельствует наблюдаемый вслед за падениями рост неравенства.

Сделанные наблюдения подталкивают нас более внимательно рассмотреть периоды в истории советской детской книги, когда книгоиздание проходило «бутылочные горлышки». В последующих разделах статьи мы обсудим институциональные обстоятельства, сопутствовавшие каждому из этих моментов, и рассмотрим, как

прохождение каждого из бутылочных горлышек сказалось на составе «авторских элит», имевших максимальный доступ к тиражированию своих произведений.

1930-е годы

Разнообразие авторов в 1920-е гг. было обусловлено несколькими институциональными факторами, среди которых рыночный характер издательского дела имел решающее значение. При том что основной объем выпуска книг приходился на Госиздат, созданный в 1919 г., разнообразие издаваемых книг определялось как относительной автономностью краевых и региональных отделений Госиздата, так и значительной самостоятельностью частных издательств, десятки которых выпускали детскую литературу¹. Издательства, в той или иной степени опиравшиеся на дореволюционный опыт, привлекали авторов, оставшихся в Советской России после 1917 г., новые региональные и отраслевые издательства опирались на местные или ведомственные писательские кадры. Кроме того, время от времени заявлялся набор «новобранцев», призванный привлечь для создания детской книги «авторов, пишущих для взрослых», «молодых авторов» (вплоть до детей) или «бывалых людей». За этот период количество ежегодно издаваемых авторов возрастает с 264 в 1924 г. до 933 в 1930 г.

Работники в области детской книги с удовлетворением отмечали рост тиражей. Так, Л. Чупрынина отмечает, что «многотиражность, увеличение тиражей — любопытное явление 1929 г.» [Чупрынина 1930, 13]. Говоря об издании книг для дошкольников, сотрудница издательства «Молодая гвардия» (редактор дошкольной редакции) Елизавета Шабад писала:

Я укажу прежде всего на количественный рост книжки, имею в виду не количество названий, а тиражи. Важно то, что у нас появились 75-тысячные и 100-тысячные тиражи литографской двенадцати и шестикопеечной книжки. Конечно, и этих тиражей недостаточно: ими не утоляется еще книжный голод, и если кричать о чем-нибудь, то больше всего о том, что надо увеличивать и увеличивать тиражи [Шабад 1930, 6].

В 1928–1929 гг., при переходе от НЭПа к плановой экономике, частное книгоиздание было фактически запрещено. В результате количество издательств, выпускающих детскую книгу, быстро сократилось. Часть из них были поглощены Госиздатом

(такие как «Новая Москва» и «Прибой»), часть — просто закрыты [Баренбаум, Шомракова 2004, 215–216]. Сразу после кардинальной трансформации издательского ландшафта в середине 1930 г., когда уже идущие реформы были легитимированы Постановлением ЦК ВКП(б) «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела», мы наблюдаем внушительный спад выпуска детской книги и резкое сокращение круга издаваемых авторов.

Резкое сокращение общего тиража детских книг, по-видимому, было вызвано прежде всего организационными, а не экономическими причинами. Создание ОГИЗа спровоцировало борьбу между вовлеченными в издание детской литературы группами писателей, редакторов и чиновников за контроль над укрупненными издательскими центрами. В 1930 г. Детиздат должен был объединить две группы издательских работников: детский сектор издательства «Молодая гвардия» и школьный сектор Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ). Сотрудники первой находились в Москве, второй — в Ленинграде. Два с половиной года шли позиционные бои за власть и ресурсы: с одной стороны, административное руководство в Москве во главе с В. Лядовой, с другой — С. Маршак и его ленинградская редакция. Возникшая в этом процессе неопределенность на бюрократическом языке совещаний называлась отсутствием кадров².

На стороне ленинградской группы выступал М. Горький, который полагал, что Маршак — наиболее авторитетный организатор детско-литературного цеха. В 1933 г., когда Горький взялся направлять кадровое и концептуальное содержание Детгиза, именно Маршака он видел во главе советского издательского дела для детей. Однако предложения Горького были реализованы лишь отчасти (он настаивал, чтобы Детгиз базировался в Ленинграде, этого не произошло), а его протезе вообще не были допущены к руководству издательством — во главе издательства оказались те, кого назначил ЦК КПСС, и это был не Маршак [Кудрина 2021, Кудрина 2020, 414–415]. Тем не менее организаторские достижения Маршака, признанные критикой творческие успехи в поэзии для детей и близость к Горькому позволили ему сохранить ведущее положение среди издаваемых авторов. Кроме того, он продолжал оказывать прямое влияние на формирование годовых издательских планов Детгиза.

В сложившейся ситуации значительная часть авторов теряет доступ к тиражированию своих произведений. Из всех авторов детских книг, печатавшихся в 1929–1931 гг., только 15 % продолжают

издаваться в 1932–1934 гг. Сокращение изданий затронуло и широко тиражировавшихся авторов, хотя их шансы сохранить свои издательские позиции были несколько выше. Так, из 35 самых тиражных авторов, на книги которых приходилась четверть общего тиража за 1929–1931 гг., сохранили это преимущественное положение в последующие три года только семеро (20%). Помимо двух классиков (Пушкин и Гоголь) трое в этом списке связаны с ленинградской редакцией (Маршак, Чуковский, Ильин) и двое москвичей (Барто, Кассиль).

В условиях, когда финансовые ресурсы недостаточны, но существовавшие ранее издательские производственные цепочки были разрушены, а новые еще не сформировались, естественным административным решением стала установка на снижение количества разных изданий одновременно с увеличением их *тиражей*. Например, в Приложении к Постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) «Об издательстве детской литературы» от 9 сентября 1933 г. сохранилось распоряжение «отказаться от издания детской книги тиражом менее 20.000, стараясь давать только проверенную книгу в подлинно массовом тираже» [Постановление 1933]. Это указание и должен был выполнить создаваемый «Детгиз».

Реализации политики тиражирования «проверенной книги» сопутствовал резкий рост неравенства среди авторов по доступу к тиражам. На протяжении 1930-х гг. при растущих тиражах количество ежегодно издаваемых авторов практически не растет после минимальной точки в 1932 г. (рис. 2). Масштабы неравенства можно охарактеризовать следующим образом: если в 1929–1931 гг. половину всех напечатанных экземпляров составляли книги 133 авторов (8,2% от всех авторов), то в следующие три года (1932–1934) список сокращается до 41 (6,5%), а в 1935–1937 гг. половина всего тиража — это книги 22 авторов (3,6%). К 1937 г. годовой показатель тиражного неравенства (коэффициент Джини) достигает максимального уровня за весь рассматриваемый период.

Как можно видеть по этим цифрам, сужение издательских планов затронуло не только менее тиражных авторов, но и многих вполне хорошо издававшихся ранее. Их положение очень красочно обрисовано Родионом Акульшиным, который к 1931 г. занимал в общем тиражном рейтинге детских книг 16 место (между Львом Толстым и Тургеневым), а после 1931 г. не издавался вовсе³. 15 декабря 1935 г. на Советании секции детской литературы по обсуждению плана Детского издательства на 1936 г. он выступил с резким заявлением:

АКУЛЬШИН. Я хочу сказать только для того, чтобы расшевелить товарищей, потому что когда один выступит, следующие охотнее выступают. Об этом плане должны прежде всего говорить те, которые включены в план, говорить им прежде всего нужно потому, что у них должно быть хорошее настроение: они в плане, их будут издавать, а не те, которых нет в плане. Что они могут сказать. План составлен, их в плане нет, и получается так же, как, если со станции отправляется поезд, а вы находитесь на станции. Все вагоны заполнены, все билеты проданы, вам очень нужно сесть на поезд, но вас не пускают, потому что мест нет и поезд отправляется, а ты остаешься [Совещание 1935].

Обида Акульшина понятна, как может показаться, он стал жертвой конкуренции опытных участников рынка и новобранцев за доступ к печатному станку. Но новых авторов, попавших в обойму нового многотиражного издательства, совсем немного. В рейтинговом списке авторов, чьи тиражи в сумме составляют 50 % всех напечатанных экземпляров, в 1932–1934 гг. появляется всего 16 новых имен, из них только 5 ранее не издавались. Самая заметная из них — детская поэтесса Зинаида Александрова. В начале 1930-х гг. Александрова была сотрудником детского сектора издательства «Молодая гвардия» и имела прямое отношение к формированию издательских планов, и, по-видимому, неслучайно ее творчество благожелательно оценивалось чиновниками образования в лице Н. Крупской, товарищем по цеху Э. Багрицким и коллегой по издательскому делу Е. Шабад [Крупская 1933, Багрицкий, Шабад 1934]. Тогда же в рейтинг входит и Гайдар, начавший печататься в конце 1920-х гг. относительно небольшими тиражами.

В последующие три года (1935–1937) новых имен в тиражном рейтинге всего 9, причем половину из них составляют отечественные и зарубежные классики (Гримм, Андерсен, Перро, Чехов, Мамин-Сибиряк). Исая Рахтанов на расширенном заседании Бюро секции детской литературы (4 сентября 1936 г.) возмущался: «Секция должна как-то реагировать на то, что Детиздат стал издавать почти исключительно классическую литературу» [Протокол 1936]. Ярким исключением в этой тенденции к консервации выглядит детский поэт Лев Квитко, которого начали издавать миллионными тиражами во второй половине 1930-х гг. В 1934 г. со страниц «Литературной газеты» Вера Смирнова провозгласила:

Не зная еврейского языка, мы сейчас цитируем целые строчки из его стихов, не имея переводов, мы пересказываем их нашим ребятам «презренной прозой»; мы сейчас будем биться за то, чтобы книги

Квитко были поскорее переведены лучшими нашими поэтами и стали бы радостью и для русских ребят. Потому что детские стихи Квитко — это не только подлинная поэзия, но это большой детский мир, необычно увиденный и блестяще рассказанный. Детские стихи Квитко переводятся на украинский язык, издаются на немецком языке, только на русском нет ни одной его книги. Это замалчивание большого поэта ложится тяжкой виной не только на наше детское издательство, но и на всю писательскую общественность [Смирнова 1934].⁴

В августе 1936 г. Чуковский пишет Маршаку, что они вместе с Квитко в Киеве составляют первый сборник переводов на русский его стихов для детей [Письма 2003, 160–161]. Авторами переводов выступили все тот же Маршак, Михалков и менее именитые переводчики (о переводах Л. Квитко см: [Дымшиц 2016]). При ближайшем рассмотрении оказывается, что за историей быстрого восхождения Квитко на тиражный олимп скрывается влияние Чуковского, Маршака и Михалкова. Если первый ограничился ролью менеджера поэта, то для Маршака и Михалкова книжные публикации переводов стихотворений Квитко стали возможностью получить доступ к тиражам, а значит и гонорарам⁵.

Основным итогом периода можно считать чрезвычайные привилегии для писательских элит, контролировавших в этот момент содержание издательских планов, и чрезвычайно высокий уровень тиражного неравенства. Рост общего благосостояния детского книгоиздания (судя по растущим тиражам) не привел к росту разнообразия детских книг. Во второй половине 1930-х гг. список авторов, захвативших четверть от общего тиража детских книг, сузился до 4–7 имен: Маршак, Чуковский, Барто, Михалков, Квитко, Пушкин, Лев Толстой. Как видно по этому списку, среди важнейших бенифициаров периода с точки зрения доступа к тиражам (помимо русских классиков, возвращенных в детское чтение⁶) оказался Маршак и связанные с ним писатели, несмотря на видимое аппаратное поражение в борьбе за контроль над Детгизом. Впрочем, и московские авторы (Барто и Михалков) получили свою долю тиражного пирога.

1939–1945 годы

Начиная с 1939 г., на фоне разворачивающейся Второй мировой войны, ежегодный рост общих тиражей детской книги сменился постепенным, но заметным снижением: в 1940 г. общий тираж сократился на 40 % по сравнению с пиковыми 1937–1938 гг. Впро-

чем, количество издаваемых авторов при этом не уменьшалось и даже продолжало расти. Наметившееся оживление в писательской среде (создание и пересоздание новых комиссий по обсуждению писательских и издательских приоритетов) и последовавшие изменения в тематическом и жанровом составе (появление темы любви, дружбы, подростковых отношений и пр.) были заблокированы с переводом Детгиза под управление Наркомпроса в мае 1941 г. (см. подробнее [Фатеев 2007, 76–83]).

За вторжением Германии на территорию СССР ожидаемо последовало резкое сокращение детского книгоиздания. Общий тираж в 1942–1943 гг. падает втрое по сравнению с 1940 г. и в пять раз — по сравнению с серединой тридцатых (пиковым 1937 г.), а общее количество издаваемых авторов сокращается вдвое и достигает исторического минимума за весь период.

Институциональный и социальный фон детского книгоиздания военного времени складывается из географического перемещения (эвакуация Детгиза и самих писателей в тыл⁷), демографических потерь (писатели, погибшие на фронте, как Аркадий Гайдар и Михаил Гершензон, или умершие в блокадном Ленинграде, как Иван Бельшев), и жесткого урезания планов. Тематические акценты издательского плана приобретают сугубо утилитарный характер — школьная классика и актуальные военно-патриотические произведения:

При сокращении общего объема намеченных к выпуску изданий Тематический план Детгиза на I-кв. исходит из основных задач, поставленных в решении ЦК ВКП(б) от 25-го мая 1941 г., а именно на необходимости подчинить работу Издательства интересам и требованиям школы (предполагающей в условиях военного времени работать по стабильным программам). В связи с этим тематический план включает в себя прежде всего основные классические произведения, предусмотренные школьными программами. Наряду с этим тематический план включает в себя ряд книг, освещающих современные события, героику отечественной войны, вооружающих детей необходимыми военно-техническими знаниями и воспитывающих их в духе патриотизма и беспредельной преданности своей родине [Объяснительная записка 1942, 9].

Для авторов, имевших к 1941 г. тиражные преимущества, резкое сокращение издательских ресурсов в военных условиях должно было выступить достаточно сильным фактором отбора. Действительно, если сравнить списки авторов, печатавшихся в 1939–1941 гг. и 1942–1944 гг., мы увидим значительную мобильность. После 1941 г.

продолжают печататься 19 % авторов. При этом среди наиболее привилегированных авторов, на которых суммарно приходилось 50 % общего тиража, сохранят свое относительное тиражное преимущество 14 из 33 (42 %). Впрочем, в абсолютном выражении тиражи сократятся у всех. Эта ситуация структурно напоминает «бутылочное горлышко» начала 1930-х гг., но отличается в количественных характеристиках: накануне «военного падения» тиражное неравенство среди авторов было выше, чем в конце 1920-х гг., и вместе с тем выше оказалась инерция сохранения статуса (значительно выше *доля* авторов, сохранивших свои тиражные преимущества).

Список тех, кто удержал высокотиражные позиции после 1941 г., включает всех основных бенефициаров сложившегося в первой половине 1930-х гг. неравного доступа к массовым тиражам детских книг: Маршак, Чуковский, Барто, Александрова, Кассиль, Квитко. Абсолютный тиражный лидер и одновременно самое заметное новое имя в этом списке — Сергей Михалков, очень много печатавшийся в конце 1930-х гг. Появляется в конце тридцатых и удерживает тиражные позиции в военный период и Аркадий Гайдар. Впрочем, не для всех современных авторов сохранение преимущества было безусловным. Из списка самых тиражных авторов в 1942–1944 гг. выпали Благинина, Бианки, Пришвин, Житков, Ю. Герман, Я. Перельман, М. Ильин и другие. Из новых советских классиков сохраняет позиции в войну Горький, но теряет Маяковский.

Несколько неожиданным образом выглядит в тиражных данных установка Детгиза на переиздание классиков. В 1939–1941 г. среди 33 писателей, чьи издания в сумме составляли 50 % общего тиража, мы находим 8 русских классиков (Лев Толстой, Крылов, Пушкин, Гоголь, Некрасов, Лермонтов, Чехов, Гаршин). Однако в 1942–1944 гг. в аналогичном списке (30 авторов) — их ровно столько же, только Лермонтов и Чехов заменяются на Ершова и Короленко. Резкий подъем тиражей Ершова готовился еще во второй половине 1930-х гг., когда, с одной стороны, была реабилитирована сказка, а с другой — возвращены классики. Ершов выгодно совмещал в своем творчестве оба признака (как, кстати, и Мамин-Сибиряк, рост тиражей которого начнется уже после войны). В 1936 г. автор одной из статей об очередном издании «Конька-Горбунка» задавался вопросом: «Почему же не забывается это старое произведение, почему не гложет память о нем, почему читают, любят и помнят эту старинную сказку дети?» и далее предлагает свою версию ответа:

Потому что близок им <детям — К. М., С. М.> проникающий сказку оптимизм, потому что сочувствуют они Иванушке, борющемуся против враждебных ему сил и побеждающему их, потому что нравятся им этот волшебный вымысел. Понятен и доступен им и стих этой сказки — великолепный стих Пушкина, которым великий поэт написал свои знаменитые сказки — о Царе Салтане, Золотом петушке и Мертвой царевне [Андреев 1936, 9].

Таким образом, в условиях сокращения ресурсов речь шла не об увеличении производства классиков, а о сохранении существующего уровня (за счет экономии на менее приоритетных авторах и темах).

Тем не менее в «военном списке» более тиражируемых авторов есть и новые имена современных писателей, которые не так много печатались в 1930-е гг. Для многих из них это определено изданием произведений для младшего возраста, так или иначе связанных с военно-патриотической тематикой. Здесь можно назвать А. Введенского («А ты!»), Н. Гернет («Приказы Васи-командира»), О. Высотскую, Л. Воронкову («Лихие дни», «Девочка из города»). Но в то же время по спискам издаваемых авторов заметно и стремление сохранить некоторый уровень «нормальности» детской книги, в особенности для младшего возраста. Так, довольно большими по военным меркам тиражами печатаются и вполне обычные детские стихи, и анималистическая проза (Скребицкий, Федорченко), и лениниана (Кононов), раскраски (Лаптев, Гернет) и книжки-картинки (Чарушин).

Военная часть повестки не вылилась в появление в топе писателей, специализирующихся на военной теме. Напротив, заметно, что как опытные, так и новые поэты и писатели вкладывались в военно-патриотическое воспитание понемногу. Под одной обложкой выходили старые и новые стихи и рассказы тиражных авторов (Маршак, Михалков, Барто, Кассиль, Воронкова, Гайдар) и репортажи фронтовых журналистов. Многие из этих изданий печатались значительными тиражами (до 100 тыс.)⁸.

С окончанием войны начинается довольно быстрый рост тиражей. К 1947 г. тиражи восстановились до уровня 1939 г. Одновременно с этим начинается рост тиражного неравенства, которое достигает очередного пика, примерно соответствующего уровню 1930-х гг., к началу 1950-х гг. Таким образом, послевоенное расширение ресурсной базы детского книгоиздания выливается в дополнительные тиражи для достаточно узкой группы авторских элит. Предсказуемым образом в списке бенефициаров (на которых при-

ходила четверть общего тиража) мы встречаем уже знакомые имена. Помимо классиков (Толстого и Пушкина) и уже знакомой нам группы Маршака, Чуковского и Барто, вышедших на тиражный олимп после «бутылочного горлышка» 1930-х гг., в послевоенном росте свою долю тиражей удерживают и те авторы, кто начал широко тиражироваться накануне военного падения: Михалков, Гайдар, Маяковский и Крылов. Сохраняющееся неравенство было замечено и современниками — в писательской среде в 1949 г. активно обсуждалась проблема «монополизма группы писателей старшего поколения» [Фатеев 2007, 144].

В послевоенный сталинский период круг авторов, чьи детские книги массово тиражируются, остается довольно консервативным, сформировавшимся почти полностью в довоенные годы. Количество это можно оценить, рассмотрев авторов, которые впервые вошли в группу тех, на чьи издания приходится половина объема всех тиражей. Таких всего 24. Среди них есть несколько современных писателей, которые продолжают массово издаваться до конца советского периода — это Алексей Н. Толстой, Бажов, в начале 1950-х гг. к ним присоединятся Носов, Осеева и Баруздин. Остальные авторы в этой группе новичков, получив доступ к высоким тиражам, достаточно быстро его потеряют (не позднее конца 1960-х гг.). Это прежде всего группа соцреалистически ориентированных позднесталинских авторов: Полевой, Ликстанов, Мусатов, Поляновский (за счет «Улицы младшего сына» в соавторстве с Кассилем) и некоторые другие. При этом отодвинуть Маршака, Михалкова и Барто от тиражной «кормовой базы» никому не удавалось. К. Симонов на XIII Пленуме правления Союза советских писателей в начале 1950 г. раздраженно называл их имена, упрекая в узурпации тиражей и в затруднении доступа к печати для молодых коллег [Фатеев 2007, 145]. Считается, что в это время в писательской среде бытовал куплет:

А входил в обойму кто?
Лев Кассиль, Маршак, Барто.
Шел в издательстве косяк:
А. Барто, Кассиль, Маршак.
Создавали этот стиль —
С. Маршак, Барто, Кассиль [Гейзер 2002].

Таким образом, второе «бутылочное горлышко» по своим эффектам напоминает первое. Первоначальное падение и последующий рост тиражей и общих издательских ресурсов в начале соро-

ковых привели к сохранению преимуществ тех, кто уже обладал ими к началу войны. Существенную группу среди них составили бенефициары предшествующего периода — уже закрепившиеся на вершине тиражной пирамиды детские поэты — Маршак, Чуковский и Барто. Отличие состоит в том, что в более продолжительный, по сравнению с тридцатыми, период послевоенного роста тиражей среди широко издаваемых авторов появляется относительно больше новых имен.

Однако настоящий расцвет разнообразия детской печати наступает в эпоху хрущевской Оттепели. На фоне продолжающегося роста тиражей и количества ежегодно издаваемых авторов в этот период наблюдается неожиданно устойчивый тренд на снижение тиражного неравенства. Для сравнения, за период с середины 1950-х гг. по середину 1960-х гг. в списке самых тиражных авторов (50 % общего тиража) появляется более 120 новых имен. Заметное место среди них, помимо современных советских писателей, занимают зарубежные авторы, не относившиеся к группе «классиков»: Майн Рид, Конан Дойл, Луи Буссенар, Джанни Родари и другие. По сочетанию макро-показателей (рост общего тиража, рост количества издаваемых авторов, падение тиражного неравенства) этот период похож на эпоху НЭПа. Примечательно, что хотя в период НЭПа детские издательства существовали в целом в рыночной системе, а в хрущевский период система детского книгоиздания была уже полностью централизованной и плановой, в Оттепель разнообразие авторов и падение неравенства оказывается даже более выраженным⁹.

Впрочем, кривая тиражного неравенства поразительно чутко реагирует на смену политической обстановки — со второй половины 1960-х гг. тренд сменяется. Постепенный рост неравенства снова наблюдается на фоне дряхлеющего тиражного изобилия в 1970-х и 1980-х гг. Несмотря на приход за это время в детскую литературу многих новых авторов, к началу 1980-х гг. в списке самых тиражируемых (25 % от общего тиража) мы ни одного из них не обнаруживаем. Напротив, этот список складывается из напластований закрепленных в предшествующие годы преимуществ: тиражные авторы 1920-х гг., пережившие все последующие колебания (Маршак, Чуковский, Бианки, Барто); бенефициары «бутылочного горлышка» 1930-х гг. (Александрова и возвращенные в детское чтение классики — Пушкин и Лев Толстой); авторы, вошедшие в детскую печать в конце 1930-х гг. и прошедшие сквозь военное бутылочное горлышко (Михалков, Гайдар, Горький, Маяковский), и, наконец,

последний из прибывших — получатель сталинской премии 1951 г. Носов.

Заключение

Вопрос о существовании, направлении и характере причинной связи между изданием (тиражированием) произведений автора и его каноническим статусом обсуждался в литературе не так много и преимущественно в теоретическом ключе. В нашей статье мы представили материал, расширяющий эмпирическую базу для исследования этой проблемы. Мы опираемся на репрезентативные библиографические данные по советскому детскому книгоизданию, редкая особенность которых в том, что они дают наиболее полные сведения обо всех вышедших детских книгах, а не только об узком круге популярных авторов. Это позволило нам, во-первых, отследить количественные макро-характеристики производства детской книги — колебания общего тиража, объема «популярности авторов» и неравенства в распределении тиражей между авторами, а во-вторых, выявить самых тиражируемых авторов в разные моменты советского периода и оценить их долю в общем объеме производства детских книг. С теоретической точки зрения мы предлагаем дополнить модель влияния переизданий на канонический статус автора идеей конкуренции между авторами за ограниченный потенциальный тираж, и оценивать степень и результаты этой конкуренции в терминах неравенства.

Мы обнаружили высокий уровень неравенства по доступу к тиражированию своих произведений среди авторов советских детских книг на протяжении большей части периода. Самыми тиражными авторами оказались прежде всего поэты, писавшие для детей младшего возраста: Маршак, Чуковский, Барто, Михалков. Это можно отчасти объяснить тем, что небольшие иллюстрированные издания для маленьких детей, ориентированные на чтение взрослыми детьми, были наиболее массово тиражируемой книжной формой. Но в то же время именно этот сегмент советского книжного «рынка» был в очень высокой степени монополизирован узкой группой авторов.

Помимо измерения степени неравенства и определения круга «бенефициаров», постоянно издававших свои произведения, важный эмпирический результат нашей работы — демонстрация высокой степени стабильности элитных групп авторов, некогда получивших доступ к высоким тиражам. За рассматриваемый период

советское детское книгоиздание прошло два периода резкого сокращения ресурсов («бутылочные горлышки») — в начале 1930-х гг. и в первой половине 1940-х гг. Мы предполагали, что неизбежное в условиях сжимающихся ресурсов повышение конкуренции за тиражи между авторами могло привести к изменениям в составе авторских элит. Наши данные показывают, что прохождение «бутылочных горлышек» приводило скорее не к смене, а к консолидации элит, оказавшихся на вершине тиражного рейтинга к началу падения и сумевших сохранить свои позиции в первые скудные годы. Последующий восстановительный рост давал этим удержавшимся авторам непропорциональные преимущества в возможности нарастить свои тиражи и закрепить положение. Главным пострадавшим по итогам обоих «бутылочных горлышек» оказалось разнообразие детских книг. Таким образом, мы наблюдаем механизм положительной обратной связи в динамической системе, в результате которого привилегии порождают еще большие привилегии («богатые богатеют»). Противоположный эффект — повышение разнообразия и снижение неравенства — достигался в периоды институционального (НЭП) или идеологического (Оттепель) плюрализма.

В этой статье мы не рассматриваем особенностей применения понятия литературного канона к детской литературе (см. работы [Kümmerling-Meibauer, Müller 2017, Kümmerling-Meibauer 2003]). Поэтому наша работа может дать только пролегомены к анализу причинной взаимосвязи между тиражированием произведений автора и его каноническим статусом. Но даже если обратиться к конвенциональным критериям, применяемым для измерения канонического статуса во взрослой литературной традиции, можно заметить, что выявленные нами лидеры тиражных списков во многом пересекаются со списком авторов, которых можно отнести к каноническим по другим основаниям (включение в вузовские программы и учебники по детской литературе, экранизация произведений, наличие памятников писателю и персонажам его произведений и т. п.). Мы рассматриваем это как эмпирическое свидетельство в пользу нашей гипотезы о том, что широкое тиражирование произведений является необходимым условием для того, чтобы автор мог быть включен в литературный канон. Более строгая проверка этой гипотезы должна стать предметом дальнейших исследований.

Примечания

- ¹ Некоторое представление о вкладе мелких и мельчайших издательств (как в разной степени аффилированных с государством, так и независимых частных) в выпуск детской литературы дает обзор Л. А. Чупырниной [Чупырнина 1930, 8].
- ² См. жалобы И. А. Разина (зав. детским сектором «Молодой гвардии», подведомственной не Наркомпросу, а ЦК ВЛКСМ) А. Халатову и М. Горькому об одиночестве ОГИЗа в деле издания детской литературы и отсутствии мощностей [Кудрина 2021, 411].
- ³ Р. М. Акулышин входил в литературную группу «Перевал», ликвидированную в 1932 г., что могло являться причиной отказа от издания его произведений. Многие участники этой группы во второй половине 1930-х гг. были репрессированы.
- ⁴ Борис Ивантер отнес поэта к «современным украинским писателям» [Ивантер 1935].
- ⁵ К. Чуковский возмущался тем, что Маршак перехватывал стихи Квитко у других переводчиков, тайком переводил и публиковал свои переводы: «Сейчас позвонил мне Маршак. Оказывается, он недаром похитил у меня в Москве две книжки Квитко — на полчаса. Он увез эти книжки в Крым и там перевел их — в том числе „тов. Ворошилова“, хотя я просил его этого не делать, т.к. Фроман месяц сидит над этой работой — и для Фромана перевести это стихотворение — жизнь и смерть, а для Маршака — лишь лавр из тысячи» (цит по: [Письма 2003, 162]). Ну а С. Михалков в 1938 г. рассыпался в комплиментах Квитко в заметке с «говорящим» названием «Почему я люблю переводить стихи Квитко», умалчивая об экономическом интересе [Михалков 1938].
- ⁶ Начиная с 1934 г., в том числе с подачи партийной и издательской номенклатуры (статья Н. Семашко «Как нужно издавать школьную серию классиков» в «Литературной газете» [Семашко 1934]) был заявлен возврат к изданию классики (как отечественной, так и зарубежной, как школьной, так и произведений из досугового чтения). Стенограммы совещаний писателей и издателей, статьи в периодике отражают смену вектора: перегибы Наркомпроса и ГУСа (Н. Крупская, Э. Яновская, З. Лилина, Е. Флерица) осуждены, классика с опорой на позицию М. Горького признается необходимой для воспитания юных коммунистов (см., например, статьи [Бабушкина 1936, Кон 1937, Решетин 1938]).
- ⁷ О проблемах, связанных с эвакуацией сотрудников Детгиза и вывозом в Киров типографского оборудования, см. [Русских 2012, Детгиз 2019].
- ⁸ Советским детям. М., 1941; Партизаны Великой Отечественной войны советского народа. М.; Л., 1941; Будь героем. М., 1941; В огне Отечественной войны: Сб. стихов, очерков, рассказов / Сост. Г. Н. Петников. Нальчик, 1942; В боях. Киров. Детгиз. 1942; Боевые ребята. Свердловск ОГИЗ-Свердлгиз. 1942; Ребятам-тимуровцам. М., 1943.

⁹ Например, «„Детский мир“ под руководством Ю. Тимофеева на некоторое время стал аккумулятором самых разных направлений и эстетик (по крайней мере, в сегменте „дошкольной“ литературы, на которой специализировался). В нем выходили книги как близких к Л. Чуковской И. Дика и Я. Акима, так и раскритикованных ею А. Алексина и Я. Тайца; стихи как признанных советских классиков (С. Михалкова, А. Барто), так и отстраненных на долгие годы авторов 1920–30-х; веселые „реалистические“ рассказы о детях, но с равным успехом — и волшебные сказки, философские притчи, абсурдистские стихи. Именно в этом разнообразии и заключалось сходство „Детского мира“ с маршакской редакцией — издательство не создавало определенного литературного направления, но собирало вокруг себя самых разных творческих людей и поощряло разные течения, предоставляя им возможность соприкоснуться друг с другом и, главное, — работать, писать, выпускать свою продукцию» [Виноградова 2019, 27]

Литература

Источники

Андреев 1936 — Андреев С. Классическая русская сказка // Детская литература. 1936. № 18, окт. С. 5-9.

Бабушкина 1936 — Бабушкина А. П. Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ за полгода // Детская литература. 1936. № 13, авг. С. 6-10.

Багрицкий, Шабад 1934 — Багрицкий Э., Шабад Е. Песни ровесников пятилетки // Литературная газета. 1934. № 11 (326), 2 февр.

Детгиз 2019 — «Детгиз в городе Кирове»: альбом-каталог документов из фондов Центрального государственного архива Кировской области. Киров: ООО «Лобань», 2019.

Ивантер 1935 — Ивантер Б. Отчет секции детской литературы Союза советских писателей за 1935 год // РГАЛИ Ф. 631. Оп. 8. Ед. хр. 7. Л. 39.

Кон 1937 — Кон Л. Классическое наследство — детям // Детская литература. 1937. № 21, нояб. С. 28-37.

Крупская 1933 — Н. К. Крупская у детских писателей // Литературная газета. 1933. № 26 (254), 5 июня.

Михалков 1938 — Михалков С. Почему я люблю переводить стихи Квитко // Литературная газета. 1938. № 21 (728), 15 апр.

Объяснительная записка 1942 — Объяснительная записка к тематическому плану издательства «Детгиз» Народного комиссариата просвещения РСФСР на 1-й квартал 1942 г. 19 января 1942 г. // ЦГКАО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 179. Л. 9–11.

Письма 2003 — «Между нами долго была какая-то стена»: Письма К. И. Чуковского к С. Я. Маршаку / Публикация и предисловие М. Петровского // Альманах Егупец. 2003. № 12. С. 158-178.

Постановление 1933 — Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «Об издательстве детской литературы» от 9 сентября 1933 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК—ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917 — 1953 / сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 203-205.

Протокол 1936 — Протокол расширенного заседания Бюро Секции детской литературы от 4/IX 1936 года // РГАЛИ Ф. 631. Оп. 8. Ед. хр. 7. Л. 3.

Решетин 1938 — Решетин С. Герои-патриоты в произведениях русских классиков // Детская литература. 1938. № 1, янв. С. 15-24.

Русских 2012 — Русских С. Н. Детгиз в Кирове: из истории книжного дела военных лет (архивные документы) // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 4. С. 102-105.

Семашко 1934 — Семашко Н. Как нужно издавать школьную серию классиков // Литературная газета. 1934. № 142 (458), 22 окт.

Смирнова 1934 — Смирнова В. Детская литература на Украине // Литературная газета. 1934. № 84 (400), 3 июля.

Совещание 1935 — Совещание по обсуждению плана Детского издательства на 1936 г. // РГАЛИ Ф. 631. Оп. 8. Д. 8. Л. 160.

Старцев 1933–1989 — Детская литература: библиография [1918–1984] : [в 18 ч.] / И. И. Старцев [и др.]. — М. ; Л., 1933–1989.

Чупырнина 1930 — Чупырнина Л. Продукция детской книги за 1929 г. // Книга детям. 1930. № 2-3, июнь. С. 7-16.

Шабад 1930 — Шабад Е. Немножко хорошего о детской книжке // Книга детям. 1930. № 2-3, июнь. С. 6-7.

Исследования

Баренбаум, Шомракова 2004 — Баренбаум И. Е., Шомракова И. А. Всеобщая история книги. СПб: Университет культуры и искусств, 2004.

Вдовин, Лейбов 2013 — Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту, 2013.

Виноградова 2019 — Виноградова О. В. Эстетические новации в русской короткой прозе для детей 1960-70-х годов и их роль в литературном процессе: магистр. дисс. / НИУ ВШЭ. Москва, 2019.

- Гейзер 2002* — Гейзер А. М. Право на бессмертный миг (Заметки о С. Я. Маршаке) // Заметки по еврейской истории. 2002. № 16. URL: <https://www.berkovich-zametki.com/Nomer16/Marshak1.htm>
- Дымшиц 2016* — Дымшиц В. А. Детские стихи Льва Квитко в русских переводах // Детские чтения. 2016. № 1 (9). С. 152–178.
- Кудрина 2020* — Кудрина Е. В. Издательские планы Детгиза в 1934 году // Библиография и библиотековедение. 2020. № 6 (431). С. 96–115.
- Кудрина 2021* — Кудрина Е. В. Роль М. Горького в истории издательства «Детгиз» // Детские чтения. 2021. № 2 (18). С. 407–424. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-2-18-407-424.
- Лучкина 2021* — Лучкина О. А. Формирование канона литературы для детей в критике 1860–1880-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук / Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Санкт-Петербург, 2021. URL: http://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2021/10/Luchkina_Formirovanie-kanona-literatury-dlya-detej-v-kritiki-1860-1880-h-gg.pdf
- Маслинский 2022* — Библиография детской книги 1918–1984 // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. 2022. DOI: 10.31860/openlit-2022.12-B010
- Фатеев 2007* — Фатеев А. В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР (1930-е - 1950-е гг.). М.: МАКС Пресс, 2007.
- Шаманова 1994* — Шаманова С. Е. Издательство "Радуга"(1920-е гг.)// Книга: Исследования и материалы. М.: Всесоюзная книжная палата, 1994. Сб. 68. С. 243-268.
- Beilein 2011* — Beilein M. Literarischer Markt: Verlagswesen und Buchhandel // Kanon, Wertung und Vermittlung Literatur in der Wissensgesellschaft / hrsg. M. Beilein, C. Stockinger und S. Winko. Berlin; New York, 2011. S. 120-127.
- Kümmerling-Meibauer 2003* — Kümmerling-Meibauer B. Kinderliteratur, Kanonbildung und literarische Wertung Stuttgart [u.a.], Metzler, 2003.
- Kümmerling-Meibauer, Müller 2017* — Canon Constitution and Canon Change in Children's Literature / eds. by B. Kümmerling-Meibauer & A. Müller. New York and London: Routledge, 2017. Pp. 1-14.
- Porter 2018* — Porter J. D. Popularity/prestige. Literary Lab: [electronic issue] Pamphlet 17. 2018. September. URL: <https://litlab.stanford.edu/LiteraryLabPamphlet17.pdf>.
- Rockenberger 2016* — Rockenberger A. Textual Scholarship and Canon Formation // Scholarly Editing and German Literature: Revision, Revaluation, Edition / ed. by L. Jones et al. Leiden; Boston: Brill Rodopi, 2016. Pp. 273–283.
- Schulenberg 2018* — Schulenberg R. dineq: Decomposition of (Income) Inequality. R package version 0.1.0. 2018. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=dineq>.

Smith 1988 — Herrnstein Smith B. Contingencies of Value. Alternative Perspectives for Critical Theory. Cambridge: Harvard University Press, 1988.

Winko 2007 — Winko S. Textbewertung // Handbuch Literaturwissenschaft / hg. T. Anz. Bd. 2 Methoden und Theorien. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 2007. S. 233–266.

References

Barenbaum, Shomrakova 2004 — Barenbaum, I. E., Shomrakova, I. A. (2004). Vseobshchaya istoriya knigi [The universal history of the book]. Saint-Petersburg: Universitet kul'tury i iskusstv.

Beilein 2011 — Beilein, M. (2011). Literarischer Markt: Verlagswesen und Buchhandel. In M. Beilein, C. Stockinger und S. Winko (Hrsg.) Kanon, Wertung und Vermittlung Literatur in der Wissensgesellschaft (s. 120-127). Berlin; New York.

Dymshits 2016 — Dymshits, V. A. (2016). Detskie stikhi L'va Kvitko v russkikh perevodakh [Leo Kvitko's poems for children in Russian translations]. Detskie chtenia, 1 (9), 152–178.

Fateev 2007 — Fateev, A. V. (2007). Stalinizm i detskaya literatura v politike nomenklatury SSSR (1930-e - 1950-e gg.) [Stalinism and children's literature in the politics of the USSR nomenklatura (1930s - 1950s)]. Moscow: MAKS Press.

Geyzer 2002 — Geyzer, A. M. (2002). Pravo na bessmertnyy mig (Zametki o S. Ya. Marshake) [The right to an immortal moment (Notes On S. J. Marshak)]. Zametki po evreyskoy istorii, 16. Retrieved from: <https://www.berkovich-zametki.com/Nomer16/Marshak1.htm>

Kudrina 2020 — Kudrina, E. V. (2020). Izdatel'skie plany Detgiza v 1934 godu [Publishing plans of Detgiz in 1934]. Bibliografiya i bibliotekovedenie, 6 (431), 96–115.

Kudrina 2021 — Kudrina, E. V. (2021). Rol' M. Gor'kogo v istorii izdatel'stva "Detgiz" [The role of M. Gorky in the history of Detskiye Gorky in the history of publishing house "Detgiz"]. Detskie chtenia, 2 (18), 407–424. 10.31860/2304-5817-2020-2-18-407-424.

Kümmerling-Meibauer 2003 — Kümmerling-Meibauer, B. (2003) Kinderliteratur, Kanonbildung und literarische Wertung Stuttgart [u.a.]: Metzler.

Kümmerling-Meibauer, Müller 2017 — B. Kümmerling-Meibauer & A. Müller (Eds.) Canon Constitution and Canon Change in Children's Literature. New York and London: Routledge.

Luchkina 2021 — Luchkina, O. A. (2021). Formirovanie kanona literatury dlya detey v kritike 1860-1880-kh gg. [Formation of the canon of literature For Children in Criticism in the 1860s-1880s] (doctoral dissertation). Institute of

Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg. Retrieved from:

http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2021/10/Luchkina_Formirovanie-kanona-literatury-dlya-detej-v-kritiki-1860-1880-h-gg..pdf

Maslinsky 2022 — Bibliografiya detskoj knigi 1918–1984 [Bibliography of books for children 1918–1984] (2022). In *Repozitorij otkrytykh dannyx po russkoj literature i fol'kloru* (Institut russkoj literatury (Pushkinskiy Dom) RAN). DOI: 10.31860/openlit-2022.12-B010

Porter 2018 — Porter, J. D. (2018). Popularity/prestige. *Literary Lab*: [electronic issue] Pamphlet 17. September. Retrieved from: <https://litlab.stanford.edu/LiteraryLabPamphlet17.pdf>.

Rockenberger 2016 — Rockenberger, A. (2016). Textual Scholarship and Canon Formation. In L. Jones et al. (Eds.) *Scholarly Editing and German Literature: Revision, Reevaluation, Edition* (pp. 273–283). Leiden; Boston: Brill Rodopi.

Schulenberg 2018 — Schulenberg, R. (2018). *dineq: Decomposition of (Income) Inequality*. R package version 0.1.0. 2018. Retrieved from: <https://CRAN.R-project.org/package=dineq>.

Shamanova 1994 — Shamanova, S. E. (1994) *Izdatel'stvo "Raduga" (1920-e gg.) [Publishing house "Rainbow" (1920s)] // Kniga: Issledovaniya i materialy*. (Bd. 68. pp. 243–268). Vsesoyuznaya knizhnaya palata, Moscow.

Smith 1988 — Herrnstein Smith, B. (1988). *Contingencies of Value. Alternative Perspectives for Critical Theory*. Cambridge: Harvard University Press.

Vdovin, Leybov 2013 — Vdovin, A., Leybov, R. (Eds.) (2013). *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatiynye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskiy kanon* [Acta Slavica Estonica IV. Proceedings in Russian and Slavic Philology. Literary Studies, IX. Texts of the textbook: Russian pedagogical practice of the 19th century and the poetic canon]. Tartu.

Vinogradova 2019 — Vinogradova, O. V. (2019). *Esteticheskie novatsii v russkoj korotkoj proze dlya detej 1960-70-kh godov i ikh rol' v literaturnom protsesse* [Aesthetic innovations in Russian short prose for children 1960-70s and their role in the literary process] (MA dissertation). HSE University, Moscow.

Winko 2007 — Winko, S. (2007). *Textbewertung*. In T. Anz (Hg.) *Handbuch Literaturwissenschaft* (Bd. 2 Methoden und Theorien, pp. 233–266.). Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler.

Kirill Maslinsky, Svetlana Maslinskaya

Institute of Russian Literature (Pushkin House);

ORCID: 0000-0002-9674-2046; 0000-0001-7911-4323

INTO THE CANON THROUGH CIRCULATION: ON THE
INEQUALITY OF WRITERS' ACCESS TO THE PRINTING OF
CHILDREN'S BOOKS IN THE SOVIET ERA

The question of the existence, direction, and nature of the causal relationship between the publication (replication) of the author's works and his canonical status has been discussed in the literature not so much and mainly in a theoretical key. The article presents material that expands the empirical base for the study of this problem. We rely on representative bibliographic data on Soviet children's book publishing, a rare feature of which is that they provide the most complete information about all published children's books, and not just about a narrow circle of popular authors. This allowed us firstly, to track the quantitative macro-characteristics of the production of a children's book: fluctuations in the total book production, the size of the "population of authors" and inequality in the distribution of printruns between them, and secondly, to identify the most circulated authors at different moments of the Soviet period and to estimate their share in the total production of children's books. From a theoretical point of view, a model of influence of reprints on the canonical status of the author should be supplemented by an assessment of competition between authors for a limited potential printrun. We propose to interpret the intensity and the outcomes of this competition in terms of inequality. A high level of inequality in access to reproduction of their works among the authors of Soviet children's books persisted throughout most of the period. The most popular authors were primarily poets who wrote for young children: Marshak, Chukovsky, Barto, Mikhalkov. During the period under review, Soviet children's book publishing went through two periods of sharp reduction in resources — in the early 1930s and in the first half of the 1940s. The passage of "bottlenecks" led to the consolidation of the elites who were at the top of the circulation rating by the beginning of the fall and managed to maintain their positions in subsequent years. It can be described as a positive feedback mechanism in a dynamic system whereby privilege give rise to even greater privilege ("the rich get richer"). The opposite effect—an increase in diversity and a decrease in inequality—was achieved during periods institutional (NEP) or ideological (Thaw) pluralism.

Keywords: literary canon, edition, circulation, children's literature, inequality, Samuil Marshak, Agnia Barto, Korney Chukovsky, Sergey Mikhalkov